

АЛЕКСАНДРА ЗАЙЦЕВА

СОЛЬ

Александра Васильевна Зайцева

Соль

Серия «Встречное движение»

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67720062
Соль: ООО «Издательский дом «Самокат»; М.; 2022
ISBN 978-5-00167-331-6*

Аннотация

Обычные подростки, трое парней и Девчонка, живут на заброшенной барже за городом. Знойное лето, вечные розовые сумерки – изо дня в день. Город пуст, будто вымер, но они не одни: рядом, совсем близко, собаки. И Псарь. Кажется, он главный здесь. От него зависит, спасётся ли Жека, выберутся ли остальные. Но так ли это?

Александра Зайцева – автор книг для подростков, лауреат литературной премии имени В. П. Крапивина, дважды финалист конкурса на лучшее произведение для детей и юношества «Книгуру».

Александра Зайцева

Соль

© Александра Зайцева, текст, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательский дом «Самокат», 2022

* * *

*Навсегда ли друг с другом расстаются братья?
Навсегда ли ненависть входит в сердце?
Навсегда ли реки заливают равнины?
Навсегда ли птицы увидели солнце?
Нет с давнишних пор на земле бессмертья,
Мёртвый и спящий друг с другом схожи...*

Гильгамеш. Таблица десятая

* * *

Жека крикнул: «Бегом!» – и мы побежали. Все трое, и Жека тоже. Пересекли пустынную парковку торгового центра, взлетели на пешеходный мост, толкая тележки по пандусам с обеих сторон от лестницы, и на середине моста остановились. Мы всегда замираем здесь, над трассой, даже без команды Жеки. Просто хочется стоять и смотреть. Я у перил, Жека позади, Мишка чуть сбоку, хрипло дышит у моего плеча. Мишка толстоват, ему трудно бегать наравне с нами.

– Почему оно всегда розовое? – в который раз удивился Мишка.

Ответа у нас не было.

Мне, например, всё равно. Розовое небо ничем не хуже голубого. Раньше оно бывало таким на рассвете или когда закат, сейчас – всё время, кроме ночи. Ночь осталась чёрной.

Я перегнулся через перила и плюнул. Проследил за полётом слюны, чтобы увидеть, как внизу, на светло-сером асфальте, появится тёмное пятнышко. Оно – доказательство, что я есть.

Вот бы проехала машина, пусть только одна, пусть далеко, как доказательство, что здесь возможно что-то новое. Но трасса пуста. Мы можем весь день ходить по ней взад и вперёд, ничего не опасаясь, но это скучно, бегать по мосту интереснее. К тому же, с высоты видны дальние холмы, редкие заросли длинного, иссушенного камыша и просоленные пустыри до самого горизонта – нечёткого, будто задымлённого.

Когда становится слишком жарко, соль из земли проступает сильнее и переливается на солнце. Сейчас соли много, издали она похожа на снег. Временами взгляд цепляется за корявое дерево или развалины, но их всего ничего: город в другой стороне, где-то у нас за спинами. Ходить туда лень, тем более – по жаре. Жека говорит, что пока здесь всего хватает, город нам не нужен, и мы не спорим. Верить Жеке удобно, можно не напрягаться и просто быть. Как песок, как лето, как колючие шары перекаати-поля. Иногда по ночам мы их поджигаем и запускаем в степь, эти сухие круглые колючки. Ветер гонит их по ровному полю, огонь мечется во тьме, и становится немного жутко. Но это хорошая жуть, вроде вос-

хищения.

– Эй, Кухня, чего тормозишь? – окликнул Жека.

Я обернулся. Мишка уже перешёл мост и собирался спустаться, его тележка стояла на пандусе передними колёсами. Она нормально так смотрелась, доверху набитая разноцветными воздушными шариками, хоть фоткай на рекламные плакаты всяких торжеств. Да, шарики – вроде обещания праздника, Мишка напихал их от души. У меня тот же груз. И у Жеки.

Мы полдня надували эти шарики в детском отделе торгового центра. Нашли в подсобке несколько коробок, уселись на пол и стали надувать. Теперь щёки покалывало, губы потрескались, во рту держался вкус школьных ластиков. Сначала у Мишки не получалось. Мы поржали над ним, но потом научили правильно выталкивать воздух из груди. И увлеклись. Наполнили три тележки шарами, а остальные – сдутые, вроде цветных резиновых тряпочек, – распихали по карманам штанов и под футболки. Ну, правда, жалко оставлять. На них же надписи типа «Поздравляю!», «Ты лучше всех!», «Улыбнись!» или «С днём рождения!»

– Как будто у меня сегодня день рождения, ладно? – попросил Мишка.

Он младший у нас, заявил, что будет тринадцатилетним, если назначим ему праздник. А мне уже четырнадцать, если время идёт как раньше. Но тут нет уверенности – раз поменялось небо, могло и время. Жеке на вид лет шестнадцать, а

сколько точно – он не рассказывает.

Жека вообще ничего о себе не рассказывает – говорит, что не помнит. Удобная отмазка. Но и у меня память как решето, и у Мишки, словно мы раньше смотрели фильм, а теперь живём по-настоящему. В головах остались бестолковые кусочки прошлых разговоров, смутные картинки, и всё это вроде к нам отношения не имеет. Фильм же – он про других, вымышленных. Наверное, поэтому наши мозги не очень-то дорожат воспоминаниями, позволяют ветру их выдувать, а пустые места заполнять солёным песком. И если предположить, что мы все устроены одинаково, то Жека вполне мог забыть всё подчистую, он в этих пустошах дольше остальных. Это он нас подобрал – сначала меня, потом Мишку. Были и другие, кого он находил, но потом они свинтили в город. Я застал двух таких парней. Жека и про них не рассказывает. Не хочет.

Не то чтобы я подозреваю Жеку во вранье или не доверяю ему, – просто любопытно. Он часто уходит один, и я замечаю его высокий силуэт на крыше полуразвалившегося фабричного цеха. Жека может по полдня стоять там истуканом. Иногда он будто спит с открытыми глазами у ночного костра – острый подбородок упирается в согнутые колени, плечи ссутулены, и только зрачки поблёскивают за свисающими прядями рыжих волос. Словно Жека вслушивается, ждёт чего-то. Иногда он смеётся без всякой причины. А бывает, становится ужасно болтливым и увлечённо травит

байки про инопланетян-захватчиков, восстание зомби, смертельные вирусы, чёрную магию и прочую ерунду. И мы подхватываем, надо же найти объяснение пустырям. Но всё это просто трёп, вроде детских страшилок, так, языки почесать.

А про важное Жека не говорит. И про Девчонку тоже.

* * *

Девчонку шарики не впечатлили, хотя мы на другое и не рассчитывали, потому что она непробиваемая. Ещё потому, что по большому счёту она для нас не существует, – Девчонка сама по себе, мы ничего не берём для неё в торговом центре и не говорим о ней. И когда толкали к дому тележки с шариками, тоже не говорили.

Домом мы называем старую, насквозь проржавевшую баржу. Между ней и торговым центром – крупный дачный посёлок, заброшенный и разорённый. Мы могли бы выбрать любую хибару, но предпочитаем жить на реке. По словам Жеки, так безопаснее, потому что с тыла не подобраться. А ещё нам нравится всякий раз ходить к барже через фабричные руины. Жека называет их «Керамика».

Керамика – не слово, а гладкий черепок с острыми краями, осколок кафельной плитки. Там, где были цеха, торчат к небу высоченные бетонные столбы и гнутые арки из труб, похожие на останки древних чудовищ. Хребты и грудины. Между ними сохранился асфальт, и катить тележки

легко. А потом берег и баржа. Носом она цепляется за обрыв, а задней частью проседает в воду, потому что сломана посередине – «Титаник», говорит Жека. Именно там, в задней части, есть металлическая будка с отсеками, в которых можно спать: несколько сырых прохладных комнатушек внизу, узкая лесенка и верхняя палуба. Вообще-то просто крыша будки, но как хотим, так и называем. Поэтому – палуба.

Когда мы добрались до баржи, Жека первым поднялся на борт и принял тележки. С ними всё ясно – утопим для развлечения, но что делать с шарами?

– Я знаю, – сказал Мишка. – Заполним яму.

От будки и до самого носа тянется грузовая часть баржи. Вроде продолговатой ямы – здоровенный открытый трюм. Если налить воды, будет бассейн с гладкими округлыми стенками. Но он сухой, и Мишка придумал вывалить туда шарики, а я мигом представил, как мы в них потом занырнём.

– Давай! – согласился я и начал разгружать свою тележку.

И вот мы стоим рядом и смотрим, как шарики мягко ударяются о коричневое дно трюма, подпрыгивают и оседают внизу. Жалкое зрелище. В тележках их было много, но глубокая грузовая яма превратила шары в горсточку разноцветного мусора. Поглотила их.

– Да, – только и сказал я. – Фигово.

Жека ничего не сказал – он вытряхнул сдутые шарики из карманов и из-за пазухи Мишке под ноги.

– Точняк! – обрадовался Мишка. – Надуем все, и тогда хватит.

– Это вряд ли, – хмыкнул я.

– Вот и посмотрим. Поможешь?

– Сейчас, что ли? Я купаться. Жарко.

Ещё баржа хороша тем, что не надо никуда ходить, достаточно прыгнуть в воду с борта – и помылся, и освежился. За спиной плеснуло, я обернулся на Жеку, но никого не увидел. Даже по гулкому железу нашего судна он передвигается беззвучно, как камышовый кот.

– Жека в речку бултыхнулся. Погнали плавать! Давай, последний ловит!

– Нет, мне надо шарики... – упёрся Мишка.

– Успеешь ещё.

– Нет. Когда сделаю, будет день рожденья.

Вот он заморочился! Я влез на узкий борт и обрушился в тёплую воду, а когда выплыл из жёлтой глубины на поверхность, услышал Мишкин нарочито бодрый голос: «Хочешь, научу надувать? Это нетрудно, иди сюда».

Но Девчонка не ответила и не пошла. Мне не надо там быть, чтобы убедиться, и так знаю. Она вроде пугливого призрака. Жека сказал, что Девчонка не немая, хоть мы никогда не слышали её голоса. И сказал ещё, что она нормальная, в смысле – с головой всё в порядке. Но я хочу, чтобы она ушла. Всё равно куда, лишь бы отсюда.

Жека Девчонку не приводил. В тот день мы вместе обры-

вали алычу и абрикосы в дачных садах, а когда вернулись, она была на барже. Сначала, ещё в бетонных дебрях Керамики, мы увидели дым, он поднимался струйкой от берега и уползал в розовое небо. Я напрягся, Мишка тоже, Жека потянул носом и слегка улыбнулся. Тогда и мы принялись, но ничего не почувствовали. А Жека сказал: «Кухня, кажется, тебя потеснили».

Девчонка сидела на верхней палубе возле огня. Это Жека придумал разводить костёр повыше: ему нравится, когда далеко видно, словно мы на сторожевом посту. Идиотизм, конечно, потому что разумные люди не станут таскать ветки и доски с заброшек на баржу, а потом ещё по узкой лестнице наверх, но мы таскали. Мы и кирпичи туда приволокли, чтобы выложить что-то типа очага, и железную решётку. На этой решётке и стояла помятая кастрюля, в которой Девчонка помешивала палкой. «Эй, привет!» – крикнул Мишка. Девчонка медленно повернулась и выставила палку перед собой, будто защищалась. И тогда я сказал: «Тебе что тут надо?»

Девчонка дёрнулась, отбросила волосы с лица и оказалась совсем мне незнакомой. Невысокая, с тощими руками и ногами, тёмно-коричневая или от загара, или от грязи, одетая в длинное цветастое платье. Смутная тревожная мысль вильнула хвостом и исчезла, я обознался, но уже не мог отступить. Ей здесь не место, нам не нужны проблемы. «Я тебя спрашиваю!» – упорствовал я, но мы все не шевелились: она

на верхней палубе, мы на берегу. «Ты её испугал», – упрекнул Мишка. Он наверняка не понял, почему я разозлился. Я и сам не очень-то понимал. «Самое время пообедать», – подвёл черту Жека и прыгнул на нос баржи.

Так Девчонка осталась с нами.

* * *

– Она украла шарик, я засёк, но не стал отнимать. Мне он погоды не сделает. Пусть.

И Мишка принялся долго и нудно расписывать, как вырубился возле грузового трюма, потому что весь день надувал шары и довёл себя до обморока от кислородного голодания. Он бы и сейчас надувал, но щёки болят и в груди колет. А мы могли бы и помочь по дружбе.

– Давай короче, – перебил я.

Ладно. Короче, Мишка вырубился ещё потому, что наступила ночь, он был сонный, а Девчонка вылезла из своей каютки и украла. Даже не скрывалась особо, сидела рядом с Мишкой, ворошила кучку сдутых шариков, перебирала за чем-то. И вздыхала ещё. Мишка пытался заглянуть ей в лицо, – плачет, что ли, – но в темноте не рассмотрел. А утром, когда Девчонка отошла за кусты, Мишка заглянул в её отсек. Вообще-то он понимает, что лезть куда не приглашали – последнее дело, вроде воровства, но воровка как раз она. И поэтому Мишка имел полное право глянуть. Прикиньте, у

неё там надувной матрас из торгового центра и всякие яркие картинки по стенам. Значит, пока мы бродим по пустырям, она тоже на месте не сидит. Ещё у Девчонки в каморке сухие ветки, пучки травы, цветы какие-то, колоски. Пахнет сеном. Таким, знаете, горячим сеном. И пакеты из гипермаркета в углу стоят. Мишка думал, что в них еда, дошки или консервы, например, но оказалось – камни. Речные, округлые, совершенно обыкновенные. Девчонка эта точно с придурыю.

Всё это Мишка рассказывал, пока мы шли по железке. Неподальёку от нашей баржи когда-то был небольшой порт, там и сейчас торчат к небу огрызки подъёмных кранов, а от порта в пустоши тянется железнодорожный путь. По нему мы и шли: я перескакивал по шпалам, Жека скользил по узкому рельсу, как акробат или танцор, Мишка плёлся чуть сбоку, по колено в серебристой жёсткой траве. Его кеды сби-вали с травы солёную пыль и вышагивали словно в облачках лёгкого тумана.

– Вот именно, – сказал я. – Зачем она нам? У нас нормальная компания, в девчонках не нуждаемся. К тому же баба на корабле – к беде. Это всем известно.

– Мы не на корабле, – равнодушно уточнил Жека.

– Ну, на барже. Какая разница?

– Да ладно, я не в обиде. Если бы попросила, я б ей и десять шариков дал, – Мишка вроде как оправдывался.

– Влюбился? – таким же тоном я мог спросить: «Из по-мойки поел?»

Мишка громко засопел, обиделся, наверное. Я насчитал четырнадцать перепрыгнутых шпал, когда он ответил:

– Жалко её.

– Почему? – Жека бросил на Мишку косой взгляд, а тот пожал плечами:

– Не знаю. Просто.

И добавил невпопад:

– Хоть бы дождь пошёл, надоела эта жара.

Я тоже хотел дождя, но за всё время, что торчу здесь, не видел ни одной тучи. А сколько было этого времени – без понятия. Мы не пытаемся считать дни, смысла нет: календарь нужен, когда о чём-то мечтаешь. Я не мечтаю, мне вообще ничего не надо. Мозги ватные, но это не напрягает, вполне приятное самочувствие. Даже зной не слишком достаёт, небо кажется затянутым розовой плёнкой, которая пропускает ровно столько солнца, сколько нужно, чтоб было похоже на лето. Но дождя хочется.

– Там будут шарики? – спросил Мишка у Жеки. – Ну, там, куда мы идём? У меня осталось примерно полкоробки, я думаю, не хватит.

Жека сделал вид, что не расслышал, а я сказал:

– Конечно, не хватит. Забей, яма слишком глубокая, ничего не получится.

– Получится, – Мишка остановился, посмотрел исподлобья. – И тогда у меня будет настоящий день рожденья. Потому что раньше никогда не было, а сейчас будет.

Мишкин голос изменился, стал страдающим – не плаксивым, но каким-то смущённым и злым одновременно. Поэтому я сбавил ход:

– В смысле – не было? Ты это помнишь?

– Помню, прям чётко. Вечно скатерть на столе, бабушкины рюмки на ножках, белая рубашка, всякие их друзья, разговоры о работе. Но ничего про меня. Странно, да?

– Что?

– Что было – забыл, а чего не было – помню.

Философ, блин. Я тупо поморгал, сплюнул и рванул догонять Жеку. Мишка снова плёлся позади, и всё стало как обычно, но его слова никуда не делись. Я крутил их в мозгах по-всякому, будто собирал кубик из цветных квадратов – кубик Рубика. И думал, что Мишке обидно, потому он и залип на дурацкие воздушные шары. Обида – это воспоминание о том, чего у тебя не было или отобрали. И ещё думал о Девчонке – вот же гадина! Мы тут самые настоящие бомжи без имущества, но она всё равно ухитрилась обокрасть Мишку.

– Стоп!

Жека внезапно замер на узком ржавом рельсе и вытянулся в струнку. Руки он поднёс к глазам, типа его слепило солнце. – Видите её?

«Кого? Девчонку?» – чуть не сорвалось у меня.

– Кого? – спросил Мишка.

– Собаку.

– Где?

Жека неопределённо повёл головой. Я внимательно оглядел бескрайние просторы серебристо-серой травы, словно разрезанные плавным изгибом железки. Заметил остатки сетчатого забора слева и, совсем в стороне, брошенный облезлый вагон. Или это остов грузовика? Такая покорёженная рухлядь, что не разобрать. Всмотрелся в розоватое море над тёмной линией холмов далеко впереди. Но старался больше для вида, подыгрывал Жеке, понятно ведь, что нет здесь собак. Ни собак, ни кошек, ни сусликов-ящериц-мышей. Ворон нет и воробьёв. Лягушки в природе отсутствуют. Рыба в реке не замечена. Мухи не жужжат, комары не кусают. Только ветер подвывает иногда в бетонном лабиринте Керамики и шелестит камыш. Я, когда осознал себя в пустошах, не сразу понял, что к чему, просто ощущал неправильность этого места. Искусственность, но не явную, на самом краю понимания. А как дошло, что из живых обитателей только мы, просто задвинул все вопросы куда подальше. Отвечать на них всё равно некому.

– Тебе показалось.

– Да, показалось, – согласился Жека, но сканировать пейзаж не перестал. А потом развернул нас назад, к барже.

* * *

Настоящий дом у человека там, где огонь. Хоть на льдине костёр разожги, хоть в пустыне, хоть где, сразу успокаивает.

ваешься и расслабляешься. И по барабану, что творится вокруг, потому что ты под защитой. В круге света – как за стенами.

– Нет, если бы всех скошил вирус, были бы тела на улицах. И после ядерной войны или вторжения инопланетных тварей остались бы следы. А что, если на самом деле все живут как обычно, а умерли только мы? – жизнерадостно выдал Мишка.

Он уже с полчаса трепался на отвлечённые темы. Довольный, как табун слонов на водопое, потому что Девчонка где-то раздобыла целый мешок шариков, оставила его возле костра и быстренько скрылась в своей комнатухе. Но я улавливал её настороженное присутствие, наверняка подслушивала из темноты.

Мишка замолчал и оглядел нас с гордым видом – мол, зацените, какая умная мысль. Я лениво подхватил палку из костра и ткнул алым мерцающим угольком в Мишкину коленку.

– Ты совсем, что ли!.. – Мишка вскочил, его голова оказалась вне светового круга, и я ответил обожжённой ногой:

– Неужели больно? А мёртвым не больно.

И бросил палку обратно в огонь.

– Ты психанутый, Кухня! Что я тебе сделал?

– Ничего. Просто проверял твою теорию. Ладно, садись, больше не буду.

Мишка с минуту потоптался на месте, явно набираясь

смелости, чтобы дать сдачи, но в итоге раздумал и уселся по-дальше от меня, поближе к Жеке. А тот смотрел в небо: лежал на спине, руки-ноги раскинул, глаза во тьму. Наверное, пытался разглядеть звёзды, хотя бы одну. Тухлый номер, в непроницаемой черноте их не было ни сегодня, ни в любую другую ночь. Только искры взмывали вверх, когда я ворошил угли, и на звёзды они совсем не были похожи. Но Жека всё равно постоянно их высматривал. Он однажды сказал, что всем надо что-то искать, просто необходимо. А зачем – не сказал.

– Куча фильмов про это есть, – я всё-таки поддержал тему, чтобы сгладить свою выходку и слегка подлизаться к Мишке. – Когда парни бродят по непонятному миру, а в реальности умерли или застряли в коме. Затасканная идея.

– Зато всё объясняет, – подал голос Жека.

– Да ну, слишком просто.

– Так предложи свою, – Мишка ещё злился.

– Зачем? Проверить мы не можем, потрепаться только.

– А давайте в город сходим, вдруг там станет понятнее?

А, Жек?..

Жека сел, потянулся и сказал через зевок:

– Мне и здесь хорошо.

Мишка нетерпеливо взмахнул рукой:

– Но...

– Но ты иди, если хочешь. Я никого не держу.

Мы это и раньше обсуждали. Стоит заговорить о городе,

как Жека предлагает нам валить на все четыре стороны, но таким тоном, что мы остаёмся. Стрёмно как-то. Мало ли, что притаилось на городских улицах, и совсем не хочется искать приключения в одиночку, без Жеки. Да и как его здесь бросить? Он ведь – друг, хоть и делает вид, что мы ему не очень-то нужны.

– Слушай, Жека, тебе вообще без разницы, рядом мы или нет? – спросил я; и сразу почувствовал себя размазнёй, будто не пацан, а ревнивая подружка. – Ты же сам нас нашёл, на баржу привёл. Зачем?

– Низачем, – Жека снова улёгся на спину и теперь говорил не со мной, а с непроницаемой небесной чернотой. – Просто людям надо где-то жить.

– И всё?

– А что ещё?

– Да много чего! Мы же тусим вместе, едим, общаемся... отдыхаем.

– Вот именно, – поддакнул Мишка. – Разве мы не друзья?

– Разве, разве... думаете, этого достаточно? Вместе поели – и сразу друзья? Такие простые. Кто ни заявится, сразу в друзья лезет, а мне оно надо? – в Жекиных словах не было ни злости, ни раздражения, он спокойно разъяснял небу свою позицию. – А мне не надо, мне спать пора.

– Тогда расходимся, не будем тебе мешать, – я нарочно подпустил в голос побольше яда. Только Жеку ничем не проймёшь, ему что ирония, что сарказм – ноль реакции.

Пришлось и вправду расходиться.

Я спустился на нижний ярус будки и забрался в тесный отсек-каюту. В моё убежище, где можно вообразить, что я – единственный человек в этом чокнутом розовом мире. Упасть на отсыревший матрас, свернуться, сжаться и слушать, как поскрипывают мелкие ракушки под беспокойным телом, а ещё ниже тихо плещет вода. И думать.

Неприятно, конечно, но Жека в принципе прав. Как эта дружба работает? Бывает, нарисуетя человек рядом, самый обыкновенный, но не бесит, и хорошо. Друг. А кому-то так и тянет врезать, хоть ничего плохого он не делает. Или просто чувствуешь заслон – вместе не скучно, поговорить есть о чём, да только не хочется. Попробуй пойми.

А Жека и Мишка? Никогда не вникал, друзья мы или нет, потому что само собой разумеется – быть с ними. Река течёт, ей так положено, а мы втроём слоняемся по пустырям и заброшкам. Это же естественно. Но если поразмыслить, нас вообще ничего не связывает, просто так получилось случайно. И кто мы? Случайники? Чайники, ха-ха. Вот я загоняюсь.

Вообще-то люди изобрели слова, чтобы быстро и коротко объяснять сложные штуки. Скажешь «это друг» – и все сразу поймут: ага, свой, еду прятать не надо. А насколько он друг и почему – какая разница. Не чужой. Точка. Вот мы кто – не чужие. Нечужие – слитно. Да...

Понял, что спал, когда проснулся. Собака разбудила: залаяла в пустошах, судя по звуку, по ту сторону Керамики.

Но, сколько я ни прислушивался, напряжённно пялясь в темноту, лай не повторился. Ничего. И не было ничего, не могло быть. Померещилось из-за Жекиного беспокойства на старых путях.

Похоже, я становлюсь слишком впечатлительным. Внушаемым. Давно никому не позволял залезать к себе в голову, научился не вестись на заскоки других. Потому что мать там знатно всё передвинула, в моей голове, и двигала, пока я не понял, что её бесконечные задушевные беседы, добренькие проповеди и слёзы – враньё. Неплохой способ на всё забить, сложив ладошки на груди, типа «каждому по вере, ничего не знаю, бог подаст».

Я заворочался, пытаюсь вспомнить, как выглядела мать. Пятна, серые пятна, белые пятна, цветные пятна. Мой личный пустырь. Здесь приходится помнить только то, чего не имел, но мечтал иметь. Например, нормальную жизнь вместо бесконечных поучений. Поучениями не наешься.

И всё-таки – лаяла собака или нет?

Когда я выбрался наружу, к сухому ветру и погасшему костру, Жека стоял на носу баржи. Его длинный прямой силуэт был отчётливо виден в предутренней синеве, его тревожность считывалась неведомым органом – так я мог бы почуять запах. Но это другое, не объяснить. Я просто знал, что Жека бдит. Как знал, что он смотрит в сторону Керамики. А ещё видел быструю тень Девчонки – она показалась возле Жеки, замерла ненадолго и скользнула в сторону наших

спальных отсеков. Она не должна меня заметить! Без всяких «зачем» и «почему» я нырнул носом в пол, спрятался за невысоким бортиком ограждения и подумал: неужели у них тайное свидание? У Жеки с Девчонкой? Да ну, невозможно, скорее небо снова станет голубым. Полный бред!

* * *

Горюх выстроил башню из жестяных банок с газировкой и сшиб её детским пляжным мячом. Так себе идея: мяч слишком лёгкий, но у Горюха неплохо получилось. Тыдыщ! Банки посыпались в разные стороны и раскатились по плиточному полу супермаркета.

– Круто! – восхитился Мишка.

Горюх ухмыльнулся и перевёл взгляд на Жеку:

– Где вас носит? С утра здесь торчу, задолбался уже.

– Вернулся? – У Жеки талант делать унылое лицо.

– Как видишь. Привет, Кухня.

Я кивнул, раздумывая, какое чувство сильнее – радость или раздражение. Горюх реально крутой, но иногда начинает юморить, и от этого хочется выбить ему пару зубов. Только я не рискнул бы. Он хоть невысокий, но кряжистый, будто квадратный, и кулаками пользоваться умеет на пять с плюсом. Морда бандитская этот Горюх. Я не думал, что мы снова встретимся, что он вернётся, и теперь таращился на его чёрную повязку, не решаясь спросить, откуда она взялась.

Горюх потёр повязку грязными пальцами, словно под ней зачесалось, и выдал с наигранной беззаботностью:

– Кто старое помянет, тому глаз вон.

– Как это – «вон»? – Мишка потянулся к своим глазам, чтобы прикрыть-защитить, но осознал нелепость жеста и опустил руки.

– Фиг знает. Был и нету. Я сам обалдел. А потом подумал, что это типа игры на компе, наверное. Пройду на следующий уровень, появится новый глаз. Правда же?

Мы дружно кивнули, поспешно и неубедительно. Но Горюх словно не заметил, оскалился, как ненормальный:

– А если нет, тоже неплохо. Эта пиратская тряпка к черепушке моей подходит.

Череп, обмотанный колючей проволокой, – татуировка на спине Горюха. Её набил старший брат – «братуха», Горюх его помнит. Говорит о нём восторженно, давится словами, будто тот может услышать и наказать за недостаточное старание. Во всяком случае, раньше так было, до того, как Горюх ушёл в город с ещё одним парнем.

Об этом я рассказывал Мишке, пока тот исследовал подсобку батутного городка на предмет завалявшихся шариков.

– А я папу немного помню, – пробормотал Мишка. – Помню, что хотел ему нравиться.

– И что? Нравился?

Мишка неопределённо хмыкнул, перевернул несколько рваных поролоновых подушек, нашёл под ними только ка-

тышки пыли и сказал рассеянно:

– Скорее всего, нет. Иначе я бы этого не хотел.

– Логично, – я выдержал паузу, но Мишка не стал развивать тему. – Здесь пусто, двигаем дальше.

Дальше – кинотеатр на шесть залов. За стойкой кассиров – россыпь закаменелого попкорна и рекламных буклетов. Я сграбастал несколько глянцевого бумажек и показал Мишке:

– На что пойдём?

– Мульты есть?

Нет мультв, ничего нет. Мы уже забирались в аппаратную, пытались запустить оборудование, но оно или неисправное, или слишком сложное для наших мозгов. Мишка тогда уверял, что раньше неплохо учился и ходил в технический кружок. Но кинопроектор не одолел. А я подумал: интересно, откуда тут электричество? И вообще, всё нужное в этом торговом центре сохранилось как новенькое, бери и пользуйся. Может, мы в телешоу? Беспрерывно под прице-лами скрытых камер, чтобы зрители наблюдали за нами в режиме 24/7? Как за большими рыбами в океанариуме. Же-ка сказал, что мы не рыбы, а обезьяны в зоопарке. Мишка понадеялся, что зоопарк и дальше будет бесконтактным. И все мы почему-то засмеялись. Смех продлевает жизнь, вот почему.

Я перебирал рекламки, разглядывая героические лица актёров и картинно приоткрытые рты актрис, и вдруг подумал, что Девчонка была бы на снимке чёрно-белой. Что за... Сна-

чала нафантазировал про её свидание с Жекой, а теперь сам запал на неё? Ты мне не нравишься, чучело! Вали из моих мыслей!

– Кухня, всё в порядке?

– А?

– Уткнулся в эти бумажки и мычишь. Вспомнил что?

– Не. Спал плохо. Пойдём отсюда, сегодня киношка закрыта. И парней давно не слышно.

Но тут я приврал для мотивации, их было очень даже слышно. Жека и Горюх болтались у входа – по очереди пинали автомат с шоколадными батончиками, но тот не сдавался. Понятно, что еды полно в гипермаркете, но дело же в другом. Сломать систему, получить даром, добиться силой – вот что весело.

Мишка придержал меня за локоть:

– Слушай, Жека сказал, что Горюх вернулся. Значит, он уже здесь бывал и потом уходил?

– Точно.

– А куда?

– В город. Искал сувенир для брата. Он так объяснил, но мог и для себя искать. Настоящий пистолет или ружьё.

– Нашёл?

– Без понятия. А тебе какое дело?

– Да так... – Мишка отвёл взгляд. – Как думаешь, Горюх опять туда пойдёт? Дорогу он уже знает и всё такое. Чего с нами скучать.

– Хочешь с ним напроситься?

– Я просто... наверняка там что-то важное.

Ну да, знаю я это важное. Мишка рвался в город из-за шариков. Он на них заиклился, а грузовой трюм баржи – настоящая прорва. Мишка не умеет врать, но будет до последнего придумывать отмазки, потому что истинная причина звучит слишком глупо. Мы же не дети – мечтать об игрушках и днях рожденья. Хотя Мишка младший у нас, почему бы и нет. Знал бы он, во что ввязывается...

– Это да, – кто я такой, чтобы его отговаривать, но намекнуть надо. – Только не спеши, подумай как следует. Горюх – парень с характером.

– Ага, – кивнул Мишка. – Он крутой!

Вот дубина, понял наоборот. Ну, ладно, если Горюх начнёт с ним шутить, а раньше он очень любил это дело, Мишка сам прочухает ситуацию. После сотни подзатыльников, пинков и тычков.

– погоди, я ещё хотел спросить, – снова тормознул меня Мишка.

– Чего?

– «Горюх» – это кличка, вроде твоей?

– Это фамилия. Он говорит, что с такой фамилией имя не нужно.

– А, ясно.

Хотел бы я знать, что тебе ясно. Вот мне ничего не ясно. Но я к этому привык.

Всю дорогу к барже Горюх выступал не хуже туристического гида – описывал город с его сокровищами. И оружие там на улицах валяется, и магазины от всего ломаются, и тачки на стоянках ждут не дождутся, когда на них кто-нибудь погоняет.

– А чего ты пешком пришёл? – без задней мысли спросил я, и тут же схлопотал удар под рёбра.

– Кухня, ты тупой?

– Чего сразу тупой?!

– Он не из города пришёл, – сказал Жека.

– Как это? – не понял Мишка. – А откуда?

– От верблюда, – огрызнулся Горюх и рванул через Керамику быстрым шагом, чтобы оторваться от нас и наших вопросов. Мы не стали догонять.

– Жек, откуда? – повторил Мишка.

– Он сам расскажет, если захочет.

– А почему не ты?

– Потому.

С Жекой всегда так, лишнее слово клещами не вытянешь. Правда, клещами мы пока не пробовали, но идея неплохая. Горюх бы справился.

И только я это представил в подробностях, как мы вырулили из-за угла бетонной руины, и вот он – Горюх – стоит на

берегу и неотрывно смотрит на баржу. Странное дело: нас, что ли, ждёт или, как вампир, не может войти, пока не пригласят? Я-то не сомневался, что он уже всю хозяйничает в наших комнатухах, выискивая, чем поживиться. Горюх ведь без комплексов и гордится этим. То есть принимает наглость за внутреннюю свободу.

– У вас что, девочка живёт? – спросил он, когда мы подошли и тоже уставились на баржу. Недоверчиво так спросил. Но больше, чем его растерянный тон, меня поразило слово «девочка». Девочка, с придыханием, ничего себе!

– Живёт, – подтвердил Жека.

– А-а-а... – протянул Горюх и потёр повязку. – Значит, не показалось. А то она мелькнула. Быстро, вон там. Я подумал, может, голову напекло... Как зовут?

– Кого? – не понял я.

– Девочку.

– Никак.

Горюх зыркнул с таким видом, будто слышал худшее из ругательств.

– Мы не знаем, – торопливо пояснил Мишка. – Она не разговаривает.

– Немая?

Мишка коротко дёрнул плечом. Кажется, он начал понимать, что крутизна Горюха имеет побочный эффект – может вызывать приступы боли у окружающих.

– А чья она?

– В смысле?

– Кто с ней гуляет? Ну, встречается?

Я глянул на Жеку, рассчитывая на проблеск хоть какой-то эмоции, но нет. Жека остался безразличным:

– Никто. Она здесь живёт, но отдельно от нас.

– Сама пришла, – подхватил я.

– Она тихая и не мешает, – закончил Мишка в адвокатской манере, словно Горюх высказался против Девчонки.

– Лады, я понял. Показывайте, чего тут у вас ещё новенького, – закрыл тему тот.

Потом мы жарили сосиски на решётке, а Горюх шатался по барже, бурно радуясь, что всё осталось по-прежнему. Поржал над шариками в грузовой яме, но согласился, что было бы неплохо насыпать их доверху и нырнуть. Осмотрел наши спальные отсеки. Занял дальний, пустующий. Пошатал лестницу на верхнюю палубу и пораздовался, что она ещё не развалилась. Искупался. При этом покрикивал, смеялся невпопад и всячески привлекал внимание, но Девчонка даже не выглянула. А сам Горюх к ней в каюту не лез.

Когда стемнело, мы открыли по банке энергетика и засели наверху возле тлеющего костра. Настроение было дремотное, сытое, даже Горюх уgomонился и размяк.

– Лягушек так и нет, – заметил он. – Мне здесь всегда не хватало лягушек. Их кваканья по вечерам. И сверчков. Вроде лето, но какое-то ненастоящее, да?

– А в городе тоже нет живности? – спросил Мишка. – Пти-

цы есть? Или кошки? Должны ведь быть.

– Не-а, никого нет. И людей тоже. Тоскливо очень.

– Но всякие нужные вещи зато есть, правда?

– Навалом.

– Ты раздобыл, что искал? – рискнул поинтересоваться я.

– Да, пистолет. Пневматик, но классный.

– И где он?

Горюх резко выпрямился и вперил в меня единственный злобный глаз. Даже в темноте я видел, насколько он злобный. А ещё засёк боковым зрением, как вострепнулся Жека: он, пока шёл разговор, лежал на спине и разглядывал небо, но тут приподнялся на локтях. У меня вдруг невыносимо зачесался кончик носа, наверное, умный нос почувствовал, что сейчас ему будет плохо. Но пронесло.

– Не знаю, – буркнул Горюх.

– Потерял? – посочувствовал Мишка.

– Не знаю! Это... Это хрень какая-то... Слушайте, – Горюх подался вперёд. – Я отлично помню, как взял пистолет, тот самый, который давно хотел, потому что братуха такой оценит, потому что он тяжёлый, и настоящий, и прям по руке сделан как родной, и, понимаете, в нём сила, и вот я его взял, и меня сначала вроде накрыло от счастья, а потом что-то долбануло в затылок, что-то здоровое, но мягкое, и тогда я... тогда я...

Он нервно откашлялся. Помолчал, глубоко вдохнул и закончил:

– Я никогда не тонул, но думаю, примерно так оно происходит. Как по телику показывают, когда чел в замедленной съёмке погружается на глубину. Почти дохлый. И вырубон.

– Как это – вырубон? – пискнул Мишка.

– Я сам не понял. Братуха, кажется, был... дал мне... нет, муть какая-то...

– А дальше?

– Торговый центр дальше. И ваши рожи.

* * *

Я задремал, когда Горюх завёл шарманку про пацана, с которым ушёл отсюда. То был вялый нытик, Костик, кажется, мы с ним и не разговаривали толком ни разу. Поэтому меня не слишком интересовала его судьба. А Горюх и сам был не в курсе, что с ним стало, – они расстались в городе. В общем, ничего важного, наверное.

Мишка тоже уснул. Его коротко стриженная, а потому колючая голова отдавливала мне бедро. Горюх говорил, говорил, Жека отвечал односложно, всё тише и тише, плеск реки, наоборот, усиливался, становился большим, заполнял меня приятным гулом. В черноте светились тёмно-красные угли, мягко мерцали под опущенными веками, расплывались. Пахло дымом. От Мишкиной футболки, от моей, от баржи и всего этого мира. Пахло, качало, несло. Всё дело в реке. Жека смотрит в небо, а надо – в воду, звёзды ведь там. Они

отражались и упали. Это же очевидно, почему я раньше не догадался. Надо сказать ему, найти его и сказать, надо сказать, вспомнить потом и сказать...

Вой хлестнул черноту, прошил меня разрядом. Тело подбросило. Мишкина голова дёрнулась, соскочила с моей ноги и ударилась о железный настил верхней палубы. Громко. Гулко. Мишка вскрикнул. И снова вой. И ещё, совсем рядом.

– Какого?!

– Подъём! – заорал Горюх. Он сгрёб охапку веток из кучи для растопки и швырнул их в кострище. Моментально взметнулось пламя, затрещало, сотворило жуткие тени. Горюх отпрянул, зашипел, должно быть, его обожгло, подбросил ещё хвороста и пнул сонного Мишку, чтобы пошевеливался.

Над Керамикой снова раскатился высокий, протяжный вой.

– Волки? Это волки?! – заметался Мишка.

– Собаки, мать их!

– Откуда? Что им надо?

– Жрать.

Горюх выхватил из огня горящую палку, поднял над собой, как факел, и рванул вниз. Мы с Мишкой переглянулись. Одновременно вздрогнули, когда снова завывло. Три голоса... четыре.

– Они здесь! Везде! – взвизгнул Мишка.

Я потянул из кострища крупную длинную ветку и выругался – ветка расходилась на множество тонких отростков.

Такие полыхают ярко, но недолго. А других не было.

– Подбрось дров! – рявкнул Мишке и рванул к лестнице.

Горюх уже суетился на носу баржи, размахивая факелом. В прыгающем свете то проявлялся, то пропадал тонкий силуэт Жеки, обращённый к Керамике. По берегу носились тени. Много. Они показались мне слишком крупными и быстрыми для обычных собак, слишком зловещими. Это нереально! Глюк или розыгрыш. Точно! Розыгрыш! Они сами были – Жека и Горюх, а я купился спросонья и теперь вижу, чего нет. Вот засранцы! Я почти убедил себя, что стал жертвой гнусной шутки, но всё равно занёс ветку над головой, так, чтобы искры не летели на волосы, и побежал по краю грузового трюма к парням, к берегу, к ужасу.

Никаких шуток. Тени оказались собаками. Самыми настоящими! Злобные морды, оскаленные пасти... Огнём, спастись можно только огнём! И вот мы с Горюхом – два безумных танцора – дёргаемся во все стороны и расцвечиваем ночь вспышками, словно светомузыкой. Но вместо басов и ударных – лай, рёв и отрывистые команды:

– Отгоняй!

– Бей!

– Не дай им пройти!

И вдруг:

– Помогите! Эй! Кто-нибудь, сюда!

Я оглянулся на Мишкин голос, продолжая хаотично тыкать во тьму горящей веткой. Мишка с Девчонкой волокли

несколько тяжёлых пакетов, Жека бежал им навстречу. Что у них там? Я попытался взглянуть, подзатыльник от Горюха вернул меня к делу:

– Слева!

Щёлкнула собачья пасть, слишком близко. Я закричал и ударил палкой. Собака отступила, но тут же бросилась снова. Из тьмы прыгнула вторая, третья. Нам кранты, кранты, ребята, хотел сказать я, но не было и полсекунды на это. А потом полетели камни.

– Разойдитесь! – это Мишка.

– Встаньте шире! Кухня, пригнись! – Жека.

– Ого, артиллерия! – Горюх.

Я шарахнулся в сторону. Горюх метнул свою палку в собак и попятился к остальным. А те высыпали на палубу речные голыши из пакетов, много, целую кучу, и устроили стрельбу по живым мишеням. Девчонкины камни.

Откуда ты знала? Ты ведь подготовилась заранее, чучело!

Девчонка словно слышала мои мысли, повернулась, протянула руку. Хочет что-то дать? Я смотрел на её ладонь, Девчонка – на меня, мимо летели камни, скулили и лаяли собаки, сыпали проклятиями пацаны, в маленькой Девчонкиной ладони лежал обломок кирпича, я смотрел, и тут сбоку прыгнула тень, врезалась в Девчонку, повалила её. Я рванулся к ним, поднимая горящую палку. Подумал, что обожгу Девчонку. Даже увидел на мгновение, как вспыхнут её длинные волосы. Размахнулся и услышал свист. Резкий, невероятно

громкий свист, пробирающий до внутренностей.

Всё в момент остановилось. Стихло. Собаки исчезли, просто сгнули во тьме, будто их и не было. А мы остались. Взмокшие, тяжело дышащие, исцарапанные, измазанные сажей. Потрясённые. Я на носу баржи, Девчонка чуть в стороне, остальные возле трюма.

– А это что за монстр был? Который свистел? – прохрипел Мишка.

– Псать, – ровно ответил Жека, и сразу: – Надо уходить.

– Куда? – напрягся я.

– Подальше отсюда. Они теперь не отвяжутся.

– Да ладно, отобьёмся, – усмехнулся Горюх.

– Отобьёмся? Ну, давай. Сколько их – десятков, сотня? Давай, разберись с этой проблемой, мы ведь из-за тебя влипли. Раньше они только присматривались, а теперь на все сто почуяли возвращенца. Может, откупимся? Дадим им еду? Будешь едой, Горюх? – Жека говорил спокойно, но ярость так и звенела в каждом слове.

– В смысле – из-за меня? Что я сделал? – растерялся Горюх.

– Вернулся, придурок! Зачем? У тебя же был выбор, объясни – зачем?

– А что такого? Братуха сказал, ничего страшного, просто развлекуха. Вот и...

Они ругались, Мишка пытался вклиниться с вопросами, но его отпихивали не глядя. Я вертел в руках уже погасшую

ветку и не мог поверить, что мы так легко отделались. Девчонка поднялась на ноги и стояла неподвижно, только постукивала чем-то. Стук. Стук. Азбука Морзе? Хочет что-то сказать? Я шагнул к ней, но за спутанными волосами не разглядел лица. Чем она стучит? Руки опущены вдоль тела, если только ногой. На ногах у неё кроссовки с толстой подошвой, белые, в пятнах. У ног – тёмная лужица. Стук. Стук. Капли. Это капли падают на железо. Это кровь?

* * *

Двинули с утра пораньше всей компанией. Но для начала не в большое путешествие, а в торговый центр за снаряжением и провиантом. Теперь никто не дурковал, не потрошил автоматы с мягкими игрушками, не возводил пирамиды из консервных банок. Мы понимали, что игры кончились и нужно многое успеть. Отыскать рюкзаки в спорттоварах, набить их едой, водой, приспособами для костра, лекарствами. В аптечном отделе Девчонке обработали рану: Горюх на удивление ловко залил её сперва перекисью, а потом йодом для верности. Я не хотел смотреть, но когда сняли обрывок футболки, которым ночью перетянули Девчонкину руку, выхватил краем глаза лиловое вздутие с красными отметинами в центре. Похоже, ей неслабо досталось, Девчонке. А она хоть бы хны – ни звука. Может, мы случайно влезли в военный суперпортал и перенеслись в далёкое будущее, а Дев-

чонка – киборг? Или мы участники секретного научного эксперимента, а она – искусственно выведенный человек без нервов? Я даже такому повороту не удивился бы. Но нет, всё-таки видно было, что ей не по себе. Девчонка отворачивалась от Горюха, хотя он бинтовал очень осторожно, а после перевязки отошла от нас подальше.

И ничего не взяла в дорогу. Совсем.

Зато Горюх и Мишка затарились по полной. И вооружились к тому же – хоккейной клюшкой и теннисной ракеткой. Грозные пустынные воины. Ха-ха. Да только мне не было смешно. Я прихватил нож в хозяйственном отделе. Маленький и не особо острый, но в критической ситуации пригодится. Во всяком случае, я на это надеялся.

На пешеходный мост подниматься не стали, впервые пересекли трассу прямо по проезжей части. Растянулись цепочкой: Жека задавал направление, Горюх злился из-за вчерашних обвинений, я всех ненавидел от недосыпа, Мишка оплакивал оставленные в трюме шарики, хотя ему и пообещали, что вернёмся. Девчонка шла последней.

Когда миновали дачи и сделали привал, Жека соизволил объясниться. Пойдём через болото, сказал он, чтобы запутать след. К вечеру доберёмся до заброшенного санатория, что на берегу красного озера, переночуем и опять двинем к реке, точнее, к её притоку. Потому что жить надо у воды.

– Может, останемся на озере? Это ведь тоже вода, – Мишка не хотел уходить слишком далеко от баржи.

– Оно непригодное. Солёное.

– А жратва там есть? – Горюх не хотел соглашаться на Жекин план из принципа.

– Есть. Там тоже посёлок, а значит, и магазин.

– Пошли бы в город по трассе, и никаких забот. – Я не хотел переутомляться.

– Собаки, – отрезал Жека.

Одно слово, и мы готовы топать в любую сторону. Хоть пешком в Австралию, лишь бы не встречаться с ночными тварями.

Если нас преследовали, мы этого не заметили. Бодро вломились в заросли камыша и побрели по влажно чавкающему суглинку. Или что там ещё комками налипает на обувь. В обычном мире нас бы в два счёта загрызли комары и мошки, но не здесь. Слабое, но всё же утешение. Прошло, наверное, много часов, а мы брели и брели между ломкими стеблями в два моих роста высотой. Гуськом и молчком, почти партизанский отряд. Не знаю, как остальных, но меня будто гипнотизировали монотонная ходьба и негромкий шорох жёстких, словно бумажных листьев. Ноги несли сами, взгляд упёрся в Горюхову спину и расфокусировался, мозг будто оцепенел. Поэтому, когда мы вырулили на ровное место и Жека объявил, что впереди озеро, я продолжал шагать по прямой на автомате. Остановила красная лужа с ослепительно-белым ободком инея по краям – не смог её обойти, вспомнив о другой луже, такой же красной, которая прошлой ночью натек-

ла возле белых кроссовок Девчонки. Меня передёрнуло, в голове прояснилось. Присел, опустил в воду кончики пальцев. Они не окрасились, но покрылись плотной маслянистой плёнкой.

– Солевой раствор, – сказал Жека. – И по краю тоже соль.

– А где озеро, Жек? – крикнул откуда-то сзади Горюх.

– Пересохло.

– Получается, мы идём по дну? – Мишка протопал за нашими спинами, с силой впечатывая подошвы в седую землю. Под его ногами похрустывало.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.